

6. Zhang, L. Comparison of District Heating Systems Used in China and Denmark / L. Zhang, O. Gudmundsson, H. Li, S. Svendsen // International Journal of Sustainable and Green Energy. — 2015. — Vol. 4, iss 3. — P. 102–116.

7. Country by Country — Statistics Overview // Euroheat & Power. — URL: <https://www.euroheat.org/publications/country-by-country/> (date of access: 22.03.2025).

8. Energy Policies of IEA Countries: Finland — 2013 // IEA. — URL: http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/Finland2013_free.pdf (date of access: 22.03.2025).

9. Стенников, В. Рынок тепла: мировой опыт развития централизованного теплоснабжения / В. Стенников, А. Пеньковский // Энергетическая политика. — 2021. — № 10 (164). — С. 64–75. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-tepla-mirovoy-opyt-razvitiya-tsentralizovannogo-teplosnabzheniya> (дата обращения: 25.03.2025).

10. U.S. District Energy Services Market Characterization // EIA. — URL: <https://www.eia.gov/analysis/studies/buildings/districtservices/pdf/districtservices.pdf> (date of access: 28.03.2025).

11. Towards 2030. Dialogue on a RES Policy Framework for 2030 / L. Szabó, A. Mezösi, Á. Töröcsik [et al.] // Energypedia. — URL: https://energypedia.info/images/6/6b/Towards2030-dialogue_-_RES_District_Heating_in_Europe.pdf (date of access: 28.03.2025).

12. Башмаков, И. А. Какова площадь российских зданий и сколько энергии они потребляют? / И. А. Башмаков // Центр по эффективному использованию энергии. — URL: <http://www.cenef.ru/file/EnergyConsume.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

13. Buildings Energy Data Book // U.S. Department of Energy. — URL: <https://web.archive.org/web/20130214012609/http://buildingsdatabook.eren.doe.gov/default.aspx> (date of access: 23.03.2025).

14. Commercial Buildings Energy Consumption Survey // The U.S. Energy Information Administration. — URL: <https://www.eia.gov/consumption/commercial/survey-background-technical-information.php> (date of access: 24.03.2025).

15. Energy Policies of IEA Countries: Canada 2015 Review // IEA. — URL: <http://www.iea.org/publications/freepublications/publication/EnergyPoliciesofIEACountriesCanada2015Review.pdf> (date of access: 02.04.2025).

Е. В. Лобачевская

Научный руководитель — кандидат исторических наук О. М. Ленцевич

ПУТЬ К ПОЛНОМУ РАВНОПРАВИЮ: СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ ЖЕНСКОГО ТРУДА

В статье рассматривается советская политика в отношении женского труда как ключевое направление реализации идеи гендерного равенства. Автор анализирует нормативные правовые акты первых десятилетий советской власти, направленные на вовлечение женщин в общественное производство

и обеспечение социальной защиты материнства. Особое внимание уделено противоречию между формальным равноправием и фактическим положением женщин, в том числе феномену второй смены. Делается вывод о прогрессивности советской модели женской эмансипации при сохранении значительных проблем в сфере распределения домашних обязанностей и быта.

Одной из важнейших задач советского социалистического государства являлось обеспечение полного равноправия женщин и мужчин во всех сферах общественной и трудовой жизни, или, как принято говорить сегодня, достижение гендерного равенства. «Женский вопрос» для революционеров был не только вопросом восстановления социальной справедливости, но и необходимым условием построения нового социалистического общества, а также привлечения на сторону большевиков огромного количества сторонниц. Однако, несмотря на объективно прогрессивные меры, сохранялись противоречия между формальным равенством и реальным положением женщин в обществе. Цель настоящей статьи — проанализировать советскую модель женской эмансипации, выявить ее сильные и слабые стороны.

Право на труд рассматривалось как ключевой элемент советской модели женской эмансипации — не только как средство выживания, но и как основа социальной независимости. Французская писательница и феминистка Симона де Бовуар подчеркивала: «в свободном труде женщина завоевывает себе реальную самостоятельность, ибо обретает определенную экономическую и социальную роль» [1, с. 456].

Основным принципом молодого советского государства в отношении женского труда было вовлечение женщин в общественное производство на равных с мужчинами условиях при одновременном обеспечении их социальной защиты как матерей и хранительниц семьи. Иными словами, государство исходило из идеи, что труд — главный путь к освобождению женщины, а потому ее участие в производственной и общественной жизни рассматривалось как необходимое условие построения социалистического общества.

Взгляды нового советского государства на женский труд были весьма прогрессивными для своего времени и находили подтверждение в положениях трудового законодательства. Уже в 1918 г. в первых нормативных актах, регулировавших трудовые отношения, закреплялись положения, направленные как на обеспечение равноправного участия женщин в производстве, так и на их социальную защиту. Так, Кодекс законов о труде РСФСР от 10.12.1918 г. предусматривал:

- освобождение от трудовой повинности для беременных женщин и рожениц (ст. 3, п. «б») на период за 8 недель до родов и 8 недель после, что являлось важной мерой поддержки материнства и защиты здоровья женщин;
- запрет на привлечение женщин к ночным работам (ст. 14) и в отраслях, признанных особо тяжелыми или опасными для здоровья, что демонстрировало заботу о физическом состоянии и безопасности женского персонала;
- предоставление дополнительных перерывов для кормящих матерей (ст. 89, прим.) каждые три часа не менее чем на полчаса, что способствовало совмещению трудовой деятельности с материнскими обязанностями;

- категорический запрет на привлечение женщин к сверхурочным работам (ст. 97), что ограничивало чрезмерную эксплуатацию женского труда и способствовало сохранению здоровья;

- установление особых постановлений для размеров пособий беременным и роженицам (прил. к ст. 78, прим. II к п. 3).

Нормы первого советского трудового кодекса не только юридически закрепляли право женщины на труд, но и создавали комплексную систему защиты ее здоровья и материнства. Такой подход значительно отличался от практик многих капиталистических стран того времени, где аналогичные правовые гарантии появились значительно позже.

Говоря об эмансипации, нельзя не упомянуть о культурной революции 1920–1930-х гг., сыгравшей решающую роль в социальном освобождении женщин, повышении их образовательного и культурного уровня, а также в активном вовлечении в строительство нового общества [2, с. 16]. Массовое строительство детских садов, яслей, школ, а также развитие сети общественных столовых и прачечных было направлено на создание условий, при которых женщина могла бы полноценно совмещать производственную деятельность с материнством и семейными обязанностями.

В результате целенаправленной государственной политики и экономических преобразований наблюдался значительный рост женской занятости. Если в 1929 г. количество работающих женщин в СССР составляло 3,118 млн чел. (27 % от общего состава рабочих и служащих), то уже к 1940 г. эта цифра выросла до 11,978 млн чел. (38 % рабочих и служащих). К 1960-м гг. удельный вес женщин в составе рабочих и служащих в СССР составлял 49 %, что значительно превышало показатели развитых стран Запада. Это демонстрировало масштабное вовлечение женщин в общественное производство и их возрастающую роль в экономике страны [3, с. 10].

Однако, несмотря на значительные достижения в области законодательного закрепления прав женщин, их широкое вовлечение в общественное производство и культурное просвещение, советская модель женской эмансипации не была лишена внутренних противоречий, особенно в сфере быта.

Одним из таких аспектов стала так называемая вторая смена — ситуация, при которой женщины, отработав полный рабочий день, продолжали выполнять основную часть домашних обязанностей. Еще в начале революции В. И. Ленин признавал, что «женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство» [4, с. 120].

Тем не менее исследования показывают, что спустя полвека, к 1960-м гг., эта проблема не только не была решена, но и усугублялась в новых условиях. В результате женщины тратили на домашние дела, включая покупку продуктов, от 3 до 4,5 часа ежедневно. Общественное питание, несмотря на заявленные цели, играло минимальную роль, обеспечивая лишь 11–12 дней питания в год на человека, что означало, что примерно 350 дней в году приготовление пищи возлагалось на домашних хозяек. Таким образом, женщины в СССР фактически имели двойной рабочий день: один на производстве,

другой — в домашнем хозяйстве, что подтверждалось данными о значительно меньшем количестве свободного времени у женщин по сравнению с мужчинами (например, 11,7 ч в неделю у женщин против 36,4 ч у мужчин по данным Псковского завода АТС, 1967) [5, с. 110]. Это существенно ограничивало их возможности для отдыха, саморазвития и полноценного участия в общественной жизни.

Таким образом, советская политика в отношении женского труда представляла собой многогранное явление. С одной стороны, молодое советское государство добилось достаточно прогрессивных результатов на пути к женской эмансипации. С другой — по-прежнему оставалось немало нерешенных вопросов, связанных, например, с бытом. Несмотря на равное положение женщин, закрепленное конституционно, нельзя констатировать, что советская модель добилась полного гендерного равенства. Тем не менее этот опыт является важным объектом анализа, демонстрируя сложность пути к полной практической реализации принципа гендерного равенства.

Источники

1. *Де Бовуар, С.* Второй пол / С. де Бовуар ; пер. с фр. Е. Орловой, А. Сабашниковой. — СПб. : Азбука-Аттикус, 2017. — 864 с.
2. Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период : сб. науч. ст. / ред. Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина. — СПб. : Дмитрий Буланин, 1996. — 96 с.
3. *Курганов, И. А.* Женщины и коммунизм / И. А. Курганов. — Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1968. — 312 с.
4. *Клименкова, Т. А.* Женщина как феномен культуры. Взгляд из России / Т. А. Клименкова. — М. : Преображение, 1996. — 224 с.
5. *Serebrennikov, G. N.* The Position of Women in the U.S.S.R. / G. N. Serebrennikov. — London : Victor Gollancz Ltd, 1937. — 128 p.

Л. О. Мороз

Научный руководитель — А. Н. Точко

ОЦЕНКА РЫНКА ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ НА ОСНОВЕ HEARTH TREND INDEX

В статье проведен сравнительный анализ рынка жилой недвижимости Беларуси и стран-партнеров с использованием авторского показателя — Hearth Trend Index (HTI). Уникальность HTI заключается в интеграции фактора брачности с классическими экономическими параметрами, что позволило, во-первых, четко определить текущее положение и позицию Беларуси на фоне стран-партнеров, выявив ее сильные и слабые стороны, а во-вторых, установить страны, где достигнуты значительные успехи в обеспечении доступности жилья, для анализа и адаптации их подходов к условиям Республики Беларусь.